

Один из миллионов...

Долгими, зимними вечерами после утомительного рабочего дня наша большая, дружная семья собиралась вместе – любили слушать воспоминания родителей. Дедушка, участник первой мировой войны и отец, участник второй мировой войны, были интересными рассказчиками. Нас, мальчишек больше всего интересовала их армейская, солдатская служба, может, поэтому запомнились даже мельчайшие подробности их рассказов. Вот что мне больше запомнилось из рассказов моего отца Фаткуллы Абзаловича Сайфуллина.

Простая арифметика или доброволец?

«В 1942 году меня и других одноклассников, вызвали в военкомат для сверки документов. Я заявил, что родился 25 марта 1925 года. Мама сильно плакала, узнав, что я натворил. Она тихо сказала: «Твой день рождения 25 марта 1926 года». На что я заявил: «Не буду дома сидеть, когда мои друзья бьют фашистов». Меня призвали в ряды Красной Армии 2 января 1943 года. Фактически мне было тогда 16 лет и 9 месяцев. Демобилизовался в сентябре 1950 года. Служил в армии 7 лет и 9 месяцев...»

Тоцкие лагеря

Перед отправкой мама силком дала мне мешок с сухарями. Мне было неудобно таскаться с этим мешком. Потом я убедился в правоте матери. Отец давал советы из своего военного опыта: «Слушайся командиров. В одну и ту же воронку снаряд дважды не падает - во время обстрела прячься в воронке. Когда пойдешь в атаку беги, согнувшись, зигзагами...»

Нас привезли в Тоцкие лагеря, что в Оренбургской области. Выдали гимнастерку похожую на рубаху, шаровары, называемые галифе, длинную шинель, шапку - ушанку, брезентовый ремень, ботинки с портянками и обмотками. Много было новобранцев из Башкирии.

Жили в громадной землянке, рассчитанной на 200 человек. Посередине землянки стояла печка – буржуйка. Печку топили дневальные. Спали на двухъярусных нарах.

Военные занятия состояли из строевой подготовки, преодоления препятствий. С криками «Ура» ходили в «штыковую атаку». Из винтовок почти не стреляли.

Через месяц службы более рослых и крепких солдат перевели в полковую артиллерийскую школу. Так я стал орудийным номером 45 - мм пушки, «сорокапятки». Пушка была на конной тяге, но от нас требовалось тянуть на лямках нашу «родимую» на стрельбище и обратно. Занятия проходили в любую погоду. Бегали, потели, лежали в снегу, сильно замерзали. Плохо обстояло с ногами, наши сырые портянки примерзали к ногам. Тем не менее, регулярно ходили в караул и дежурили по батарее.

А еще было много вшей. Как они нас мучили! Снимешь гимнастерку, бросишь на пол, а она живет своей жизнью – шевелится. Боролись со вшами таким образом. Приезжала вошебойка - машина с большой бочкой (дезинфекционная камера). Солдаты снимали обмундирование, завязывали в узел и складывали в эту бочку. Но вши все равно оставались и переползали к другим. Они были неотъемлемой частью нашей солдатской жизни...

Голод

Воинская служба шла на фоне недоедания. Постоянно хотелось есть. Я сильно похудел. Мамины сухари исчезли в первую неделю службы. Их украли голодные солдаты, пока мы были на занятиях. Чем нас кормили? Утром капуста с морковкой без воды, в обед капуста с водой, а вечером опять капуста без воды. Где они брали столько капусты? Наелся ее на всю жизнь. Можно выдержать обстрел вражеских орудий, боль от полученных ран, нашествие вшей, но голод терпеть было невозможно...

В моем военном билете было написано, что я конюх, поэтому мне приказали возить из ближайшей станции продукты. Сразу предупредили: если что пропадет – расстрел или штрафбат. После одной из поездок, заведующая продуктовым складом части, как оказалось добрейший души человек, подзвав к себе, сунула в мой карман кулек. Там был комбижир, который я стал смешивать с капустой. Думаю, она пожалела меня, ходячего скелета.

В нашу часть привезли жмых для лошадей. Под стеной склада, где хранился корм, солдаты сделали подкоп и стали его воровать. Для охраны склада поставили часового. Как то голодный солдат стащил плиту этого жмыха. Часовой ему: «Стой стрелять буду!» Солдат, не обращая внимания на окрик часового, пошел в сторону землянок. Выстрел! Пуля, пробив грудь «вора» прошла через сарай и воткнулась в стену столовой. Когда мы прибежали, убитый лежал на спине. Левая рука лежала на груди, а правой рукой он сжимал плиту жмыха...

Дезертиры. Расстрел

Ближе к весне участилось самовольное оставление части солдатами. Их ловили и возвращали в часть для продолжения воинской службы. В основном уходили домой. На вопрос: «Зачем оставил часть?», - отвечали: «Кушать хотел. Хотел дома наестся и прийти обратно. Но не успел, поймали».

В один из мартовских дней 1943 года воинская часть была построена буквой «П». Пригнали полуторку, открыли борта. Тут же подъехала другая машина. Из него выволокли двух солдат, без головных уборов, без ремней, с завязанными руками. На полуторку взобрался офицер, председатель военного трибунала, с погонами подполковника и начал читать что – то с листка бумаги. Пронизывающий насквозь мартовский ветер доносил слова оратора: «...по законам военного времени... за дезертирство... расстрел. Приговор привести в исполнение - немедленно». После услышанного строй застыл. По телу пробежал холод: «Как это - расстрел? Им же по восемнадцать лет! Их же родители ждут. Они еще до фронта не доехали, войны не видели». Хотелось кричать: «Стойте! Что вы делаете? Не делайте этого! Не убивайте!»

Двое офицеров, чистенькие, аккуратненькие, в портупелях, члены военного трибунала достали из кобуры пистолеты и приставили в затылок дезертирам, «предателям» Родины. Прозвучали два выстрела. Солдатики, как подкошенные, упали. К ним подошел врач пощупал их и, наклонившись к одному из офицеров что – то сказал. Тот, подойдя к одному из расстрелянных, выстрелил еще раз...

Я не выдержал и сказал отцу: «Расстреливать два раза уставы не велят». (Вспомнил песню В.Высоцкого). Отец, подумав, сказал: «ОНИ, наверно, об этом не знали. Дезертиров стало меньше. Но солдата надо кормить! Это был акт устрашения, чтобы неповадно было другим. Дезертировали они не с фронта, а в тысяче километров от него. Просто они сбежали домой. Голод их погнал домой, а не предательство».

Десантник

«В Тоцких лагерях я прослужил до осени 1943 года. Из нас сформировали маршевые роты, погрузили в вагоны – теплушки. Первые три эшелона были отправлены в район Днепра. А нас, четвертый состав, свернули в Подмоскowie, в г.Ногинск. Здесь формировали воздушно – десантную бригаду и я стал десантником, а позже и гвардейцем.

Начались занятия по овладению парашютным делом. Нам выдали по два парашюта, - один основной, второй запасной. Запасной надо было открыть (дернуть за кольцо), если не откроется основной. Учились укладывать парашют, управлять им с помощью строп при приземлении...

Прыгали с вышки, с воздушного шара. Его на тросах поднимали достаточно высоко в воздух и потом лебедками стягивали к земле. Когда прыгали с самолета, сначала выбрасывали упакованную пушку, затем летели вниз сами. Если десантник боялся прыгать, ему «помогали» сопровождающие офицеры пересилить свою слабость. Прыгать было не страшно до тех пор, пока не случилась трагедия. У одного десантника не раскрылись парашюты, и он у нас на глазах камнем полетел вниз. Потом сказали, что собранный вечером влажный парашют превратился в кусок льда.

Был случай, когда у десантника открылись оба парашюта, и он при приземлении сломал ноги.

Кроме прыжков стреляли из всех видов оружия, бросали гранаты, научились метать ножи и действовать в рукопашном бою, изучали топографические карты, учились ориентироваться на местности. И обязательно - строевая подготовка.

Ближе к весне солдатская молва донесла, что нас готовят к десантированию за линию фронта. Но где - то в мае 1944 года нас погрузили в эшелоны и отправили на фронт. Разгрузились на станции Паша Ленинградской области. Таким образом, мы – десантники, в составе 99-й стрелковой дивизии вошли в состав Карельского фронта...»

Форсирование реки Свирь

Передний край Карельского фронта упирался в реку Свирь. На нашем участке ширина реки достигала 350 метров, а глубина от 8 до 11 метров.

Расположились мы недалеко от берега реки. Для пушек приготовили огневые позиции и укрытия, натянули маскировочные сетки. Выкопали окопы, блиндажи. Вырубив лес, из бревен связали плоты для погрузки орудия. Скрытно их подтащили к реке. Получили деревянные лодки. Все было готово к форсированию водной преграды.

Артподготовка, сопровождаемая налетами на позиции врага бомбардировщиков и штурмовиков, началась 21 июня. В течение трех с половиной часов стоял мощный гул. Особенно сильное впечатление оставили наши реактивные снаряды «Андрюши». Пуск производился с помощью электрических запалов. И там, где они падали, поднимались огромные всплески взрывов. Зрелище это было потрясающим.

Во время артподготовки меня отправили за резиновой лодкой в штаб полка. По пути встретился с земляком, с кем призывался в Армию. Он был из соседней деревни. Пригласил посидеть в его окопе, поговорить. Но я сказав о срочности задания ушел. Получив лодку, возвращаюсь в свое расположение, и вижу: на месте окопа большая воронка, еще дымится, и разбросанные человеческие тела. После войны я посетил дом родителей моего земляка и рассказал как погиб их сын.

Сначала в реку вошли 16 добровольцев. Они толкали впереди себя плоты и лодки с чучелами. По ним притаившиеся огневые точки противника открыли огонь. Наши наблюдатели засекли их, и еще час длилась артподготовка.

Первыми форсировать реку начала наша дивизия. Мы спустили на реку плот, погрузили «сорокапятку». Деревянная лодка, в которой я сидел, рассохлась, стала поступать вода. Мне приказали каской вычерпывать воду.

В реку вступили автомашины – амфибии, справа и слева саперы начали наводить понтонные мосты. Враг начал обстрел. Рядом стали взрываться вражеские снаряды, поднимая белые столбы воды...

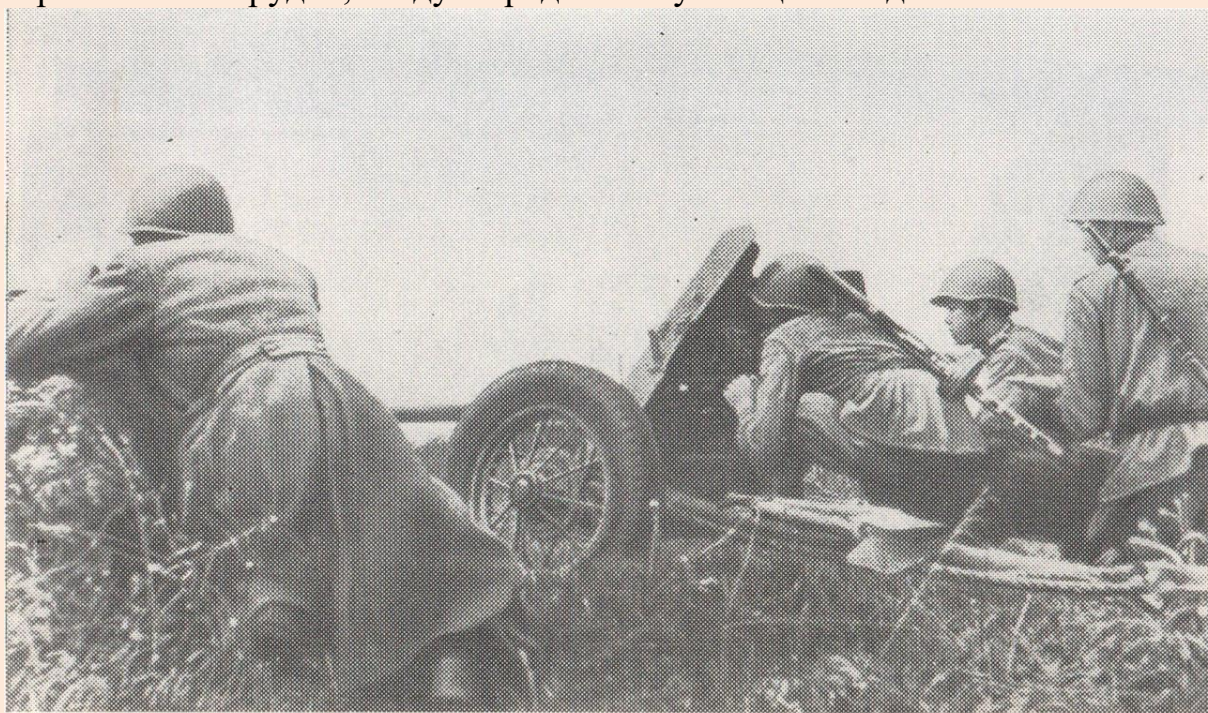

Противоположный берег оказался крутым. Долго пытались затащить пушку – не получилось. К нам подошел, какой - то майор, и спросил: «Что, сынки, никак? Давайте подсоблю». И он помог нам и указал, в каком направлении двигаться дальше. Сам направился к другим расчетам.

Результат артподготовки потряс меня. Вот что я увидел на берегу: лохмотья проволочных заграждений, завалы, разбитые блиндажи, траншеи, разрушенные бронеколпаки, все горит, кругом маленькие и большие воронки от снарядов и бомб.

Эпизод боя

Противник заминировал все – дороги, обочины, кустарники, строения... Много наших солдат подорвалось на этих минах. В ходе наступления орудийные расчеты имели задачу наступать непосредственно в боевых порядках пехоты и своим огнем обеспечивать их продвижение. Мы перекатывали орудия, следуя в рядах наступающих солдат.

Артиллеристы ведут огонь прямой наводкой по противнику. Карельский фронт, 7-я армия, Олонецкое направление, 1944 г. Справа второй Сайфуллин Ф.А.

(Фото из семейного архива)

Впереди ДОТ (долговременная огневая точка). Из него без остановки строчит пулемет и не дает подняться пехоте. Приказ: «Выкатить орудие на прямую наводку и уничтожить ДОТ!». Успели выстрелить пару раз, тут крик: «Танки!» Два легких танка шли с левого фланга, стреляя на ходу. Возле пушки рванул вражеский снаряд. Меня отбросило взрывной волной и засыпало землей. Немного оглушенный, звенело в ушах, я поднялся, стряхнул с себя грязь, посмотрел туда, где была сорокапятка. Картина моему взору предстала непростая. Пушка лежала на правом боку. Левого колеса не было – оторвало осколками. Наводчик и заряжающий погибли. Командир

орудия кричал, жестикулировал руками, но слова были неслышны. Осмотрелся. Жив. К счастью и не ранило!

Неожиданно услышал требовательный окрик командира орудия, и у меня вернулось сознание. Увидев его, я заметил, как у него по лицу течет кровь: «Вы ранены, товарищ командир». Он грязной рукой пытался вытереть глаза, отчего его вид стал устрашающим. Понял, что меня зовут на помощь поставить орудие на колеса. Так и сделали. Только вместо оторванного колеса приспособили пустые ящики для снарядов. Командир орудия занял место наводчика. Оптика была цела - стрелять можно.

Один танк уже горел, выбрасывая черный дым. Батарея (мы тоже) вела огонь по второму танку. Он отступал задним ходом. Попали (может и мы), и он загорелся.

По ДОТу мы выпустили десяток снарядов. Попали точно в амбразуру. Когда оттуда повалил густой дым, пулемет замолчал. Пехота дружно поднялась и пошла вперед...

Братская могила

После форсирования реки Свирь пехота, не поддержанная танками и артиллерией, углубилась далеко в прибрежные леса, где попала в засаду. Многие полегли в этом бою. Потери были большие. Меня и еще пятерых солдат командировали в качестве почетного караула.

Похоронные команды собрали погибших в одно место. Выкопали огромную яму – братскую могилу. Хоронили так: укладывали в два ряда, головы, обращенные к краям ямы, накрывали плащ – палатками или гимнастерками. Мы давали трехкратный салют. Затем первый слой закидывали землей и начинали укладывать второй. Так продолжалось до тех пор, пока не похоронили всех погибших.

Засада

При отступлении противник оставлял специальные группы снайперов - наблюдателей. Чаще всего снайперы располагались в замаскированных «гнездах» на верхушках деревьев. Их еще называли «кукушками». Вот мы по этим «гнездам» стреляли осколочными снарядами прямой наводкой.

Преследуя отступающего противника, наша батарея вышла на большую поляну. Неожиданно начался сильный артиллерийский обстрел. Мы попали под прицельный огонь противника. Я инстинктивно упал и прижался к земле. Снаряды падали рядом, свистели осколки. Большой, величиной с кулак, горячий осколок, порвав галифе, воткнулся рядом с ногой, другие порезали вещмешок на спине. Хотелось провалиться в землю или встать и бежать с этого проклятого места. В голове была одна мысль: «Когда же это прекратится?»

Неожиданно наступило затишье. Оказывается, корректировщик огня противника сидел в подбитом танке. Разведчики, узнав об этом, незаметно

подошли и схватили его. Долго не раздумывая, повесили гада на орудийном стволе танка.

Что творилось на поляне! Подбитые автомашины, орудия, раненные, умирающие люди и лошади. Убитые солдаты лежали в разных позах, раненые стонали и звали на помощь. Рядом, прислонившись к дереву, сидел командир нашей батареи. У него осколком наискось порезало живот. Капитан двумя руками собирал внутренности, лежащие на земле, и пытался их грязных, перемешанных с прошлогодней листвой засунуть в себя обратно. Увидев меня, он сказал: «Сайфуллин, я скоро умру. Напиши письмо моей жене». Я начал его успокаивать, что придут санитары и увезут в медсанбат. На что он попросил меня быстрее достать бумагу и карандаш из планшета и начать писать письмо. Я выполнил последнюю просьбу командира. Подошедший санитар, посмотрев на раненного, покачал головой и тихонько шепнул: «Не довезем...»

Хороший, грамотный был командир. Знал всех по фамилии. В бою берег солдат. Спокойный и рассудительный. Жалко было терять его и других погибших товарищей. Вместе армейскую службу тянули в Тоцких лагерях, в Ногинске. Из одного котелка ели. Мечтали о послевоенной жизни. Какая несправедливость, что умирать должны именно такие молодые! У меня на глаза навернулись слезы. Отойдя в сторону, не вытерпел, присел и заплакал. И меня никто не успокаивал. Плакал я в первый и последний раз.

Госпиталь

Наша батарея двигалась вместе с пехотой по сильно пересеченной местности. Кругом болота, по колено в грязи, затем через скалы, переходили глубокие и быстрые речушки. Сорокапятку и боеприпасы тащим на себе. Остановились. Строим блиндажи, окапываемся, возводим огневые позиции для пушек. Усталость валит с ног. Война – это кровавая, постоянно тяжелая работа на пределе человеческих возможностей, на грани жизни и смерти!

Вырыл окоп, лег отдохнуть, проснулся - в воде. Подземные воды мигом заполняют все углубления в земле. Привязав между собой ветки деревьев или кустарников, сооружали гамаки. Но спать в них опасно, особенно при минометном обстреле. В лесу мина взрывается при ударе о ветку или верхушку дерева. Это увеличивает ее поражающую способность, получается настоящий град из осколков. Солдаты часто погибали от минометных обстрелов. Один из осколков достал и меня. Ранило в ногу. До этого заболел малярией.

Медсанбат запомнился запахом гниющих ран и грустной песней одного раненного. Я запомнил один куплет:

«Товарищ, товарищ, болят мои раны,
Болят мои раны тяжело.
Одна засыхает, другая нарывает,
А с третьей придется умереть...»

Приступы малярии сопровождаются высокой температурой и мерзким ознобом. Я сильно опух.

В медсанбат приехали особисты – искали тех, кто прятался от передовой. Увидев мое состояние, отправили в госпиталь.

Малярию лечили очень горьким порошком хинина. В госпитале были созданы образцовые условия: снежно – белые простыни, отличное трехразовое питание, ели из тарелок! А ведь на фронте питались, где и как придется.

Хороший уход, лечение, отдых, закалка сделали свое дело - молодой организм пошел на поправку. Рана не болела. Слабость прошла.

После госпиталя отправили в запасной полк.

Как - то объявили общее построение. Появились командиры: «У кого образование 7 классов и выше и кто хочет учиться - выйти из строя!» Я очень хотел учиться, поэтому шагнул вперед...

Учеба. Победа!

Нас, 50 человек, отобрали в школу радистов. Учили нас азбуке Морзе (морзянке), также изучали радиостанции. Прием на слух и работа на телеграфном ключе. Учеба шла с утра до ночи, на фронте не хватало радистов. После окончания школы сдали экзамены. Надо было передать и принять «китайский текст». Это набор букв и цифр. Из нашего набора только двое сдали на «отлично», я в том числе. Нас откомандировали в Москву в военное училище, где готовили офицеров связи. Счастье и только!

Великую победу я встретил в училище. 9 мая всем курсантам выдали увольнительные в город. Город ликовал! Люди пели песни, плясали, плакали.

В трамваях, в автобусах солдатам уступали место. Обнимали, победителями называли, подбрасывали в воздух.

Нас перестали учить. Отдыхали, гуляли по Москве. А потом, отправили в отпуск.

Осень 1945 года. Я, самый счастливый человек, иду домой. Остался последний отрезок дороги до родной деревни. Поднимаюсь в Тарказинскую гору. Услышав крик: «Стой! Стой!», оборачиваюсь. Бежит женщина. Дождлся. Она, задыхаясь, спрашивает: «Когда мои сыновья вернутся с войны? Ты видел их?» Как мог, успокоил ее. Потом я узнал, что ни один из четырех сыновей Гильмуляк - апы не вернулся с войны...

После отпуска служил в г.Баку, потом в г.Хабаровск. Это уже другая история.

P.S. Мой отец, Сайфуллин Фаткулла Абзалович, в Великой Отечественной войне, к счастью, остался жив. Видимо, для того, что бы родился я и мои три брата. Он один из миллионов солдат Красной Армии служил там, куда его направляли, добросовестно выполнял то, что требовалось от него. У каждого солдата свое место на войне.

После армейской службы окончил Белебеевскую школу механизации с отличием. Работал в д.Атамкуль Еркееевского района комбайнером, бригадиром, управляющим отделения. Заслуженный механизатор сельского хозяйства БАССР. Награжден орденом, медалями и многочисленными Почетными грамотами. Его не стало в 2003 году...

Он был сильным телом и духом, начитанным, грамотным, любил историю, литературу, технику. Обладал феноменальной памятью! У него руки были золотые! Он – мой отец и я этим горжусь!

Анвар Сайфуллин, преподаватель
Белебеевского колледжа механизации и
электрификации

